

Педагогический Чернобыль: преодолим ли он в ближайшие годы?

Иван МАРТЫНОВ, проректор Могилёвского государственного университета

Статья, которую мы вам предлагаем, пришла из Белоруссии. И судя по её содержанию, школы этого государства, вышедшие из советской модели, несут в себе те же пороки, те же недостатки, что и школы России. Что же надо сделать, чтобы не ухудшать здоровье наших учеников? Очевидно сократить объёмы учебных книг, начиная с начальной школы, объёмы частотного словаря, в который включены сотни новых понятий. А если школа ведёт «развивающее» обучение, работает «на высоком уровне трудности», то это ещё и десятки абстрактных, теоретических (нужных ли ребятам для жизни?) понятий.

Как поставить заслон «педагогическому Чернобылю»?

За ухудшение состояния здоровья наших детей и подростков основную вину мы возлагаем на экологию, на чернобыльский фактор. С этим можно безоговорочно согласиться. Но в регионах Белоруссии с экологически чистой водой, воздухом и пищей ситуация со здоровьем детей столь же печальна. Такая ситуация сложилась не вчера и не сегодня, а с начала шестидесятых годов, когда, начиная с первого класса, был взят курс на «повышение научности» школьных предметов и «формирование абстрактного мышления». К чему это привело? Обратимся к исследованиям Центра охраны здоровья детей и подростков АМН РФ. Они показывают, что только шесть процентов выпускников современных элитарных школ здоровы. Кроме того, школа меняет психологический гендерный профиль своих питомцев и выпускает не юношей и девушек, а особей неопределённого пола. Так, в первый класс поступили девочки и мальчики, которые отличались по 11 психологическим признакам характера. У мальчиков отмечались такие черты, как склонность к риску, к лидерству, умение убедить. Девочки характеризовались большей чувствительностью, открытостью, ответственностью, большей доверчивостью к авторитетам. К 9-му классу характерные для пола признаки сохранились только по двум показателям (!). У мальчиков сгладились чисто мужские черты характера, а у девочек — наоборот. Уже в 13 лет у девочек показатель склонности к риску был выше, чем у мальчиков-сверстников. А в 16 лет у девушек был самый большой показатель индивидуализма — «мне должны», «всё для меня».

С отменой отдельного обучения наша педагогика стала бесполой. Хотя известно, что мальчики и девочки по-разному воспринимают материал, но программы по всем предметам для школьников младшего и среднего возраста едины.

В 5–7-х классах в связи с переходом на предметное обучение увеличивается учебная нагрузка, но именно в этот период у девочек снижена восприимчивость к учебной деятельности. Бесполой педагогике до таких «мелочей» и дела нет, как, впрочем, и до многих других. Назрела необходимость с медицинской, психологической и социальной точек зрения обсудить вопрос отдельного обучения.

Школьные программы по физкультуре не готовят девочек к детородным функциям. По данным доктора медицинских наук В.Ф. Базарного, у 85 процентов девочек наблюдается неразвитость тазобедренного сустава. Только в Москве решением правительства города с 1 сентября 2000 года в школах введены отдельные уроки физкультуры для мальчиков и девочек по специальным программам.

Исследования лаборатории физиолого-защитных проблем НИИ Москвы показали, если ребёнок сидит шесть и более уроков за горизонтальным столом, который почти повсеместно вытеснил природосообразную ростомерную парту с наклонной поверхностью (более дорогую), он видит не всю поверхность тетради, рисунка, книги. Школьник невольно меняет угол зрения, чтобы увидеть весь лист, и принимает неудобную позу, от чего возникает

ет «букет» болезней — от патологии зрения и опорно-двигательной системы до патологии внутренних органов. Добавим к этому: если школа работает в две или три смены, то за один и тот же стол усаживают учеников разного роста. А усугубляет ситуацию вредное, но экономичное люминесцентное освещение вместо физиологически оправданного электролампового.

Далее. Объёмы школьных учебников стали уже притчей во языцех. Попробуем, например, оценить буквари по методике Л.Н. Засориной¹. Рассмотрим их по двум показателям — общему количеству слов в учебнике и объёму частотного словаря, показывающему количество слов, которые должен знать ученик, чтобы понимать тексты учебников (см. табл.).

¹ Частотный словарь русского языка. М., 1977.

1 — Название и автор

2 — Год издания

3 — Общее количество слов

4 — Объём частотного словаря

5 — Количество страниц

	1	2	3	4	5
РУССКИЕ	Букварь, коллектив авторов ²	1959	2548	886	95
	Букварь, колл. авторов ³	1980	2823	962	103
	Букварь, С.Ф. Горецкий и др.	1982	2689	1162	128
	Православный букварь, Н.В. Давыдова	1998	2449	1195	96
БЕЛОРУССКИЕ	Букварь, А.К. Клышко (белорусский язык)	1999 ⁴	4548	1699	200
	Букварь, Н.А. Сторожева	1999	4133	1790	223

² Букварь составлен коллективом научных сотрудников АПН и учителей Москвы и Ленинграда (всего 17 авторов и 12 художников).

³ Составлен на основе предыдущего букваря.

⁴ Действует в нынешнем учебном году.

Прежде чем начну комментировать таблицу, замечу: эти данные приведены без учёта служебных частей речи, а в белорусских букварях — дополнительного материала и текстов для чтения с опережением.

Бросается в глаза разбухание белорусских букварей. Трудно понять логику авторов и дать этому научное обоснование. Восемьдесят пять процентов слов частотного словаря в букваре Н.А. Сторожевой и 80,4 процента в букваре А.К. Клышко встречаются 1–3 раза, причём среди указанных слов очень много таких, которые устарели и редко встречаются, дети их с трудом понимают. Дальнейшие примеры буду приводить из букваря А.К. Клышко. Например, «ветах, крысо, мацакі, цюцька, машастовы» и многие другие. В букваре нет ни одного слова на букву э, за исключением междометий эх и эй.

Имеется в букваре и много имён, каждое из которых, как известно, несёт сакральный смысл. Но «Мікалая» и «Ганну» днём с огнём не сыщешь, а «Івана» и «Гаццяну» можно только со свечкой отыскать. Отдаётся предпочтение не славянским именам: «Жора», «Данута», «Фаня» и т.д.

Дети мыслят образами, и обучение в начальной школе должно идти от образа к слову, но не наоборот. Если образа, который соответствует данному слову, нет, то малыши не смогут воспринять эмоциональную окраску этого слова. Так, на одном уроке городские школьники, которые из «четвероногих» знают только стол да стул, должны представить себе «парася, кураня, качаня, кацяня, ягня, казляня, жарабя, цяля, льва, лісу». Значительную помощь в формировании образного мышления детей должны играть рисунки, многие из которых в букваре аляповаты, нагромождены один на один, схематичны и не точны. Например, говорится о паровозе, а нарисован тепловоз. Даже взрослому человеку, знающему породы деревьев и виды животных, трудно идентифицировать их с рисунками на страницах букваря.

На формирование навыка чтения дети тратят все свои силы, и вводить малопонятные слова или слова, которые требуют абстрактного мышления, значит, усугублять и без того

трудный процесс обучения.

Стремление напищать школьные учебники недоступными для детского понимания абстрактными терминами и словами стало просто педагогической эпидемией. Школьные учебники пишутся большей частью «шершавым» языком авторов, в лучшем случае трудным, непонятым языком науки, но не ярким, образным языком, рассчитанным на детское восприятие. Когда в предложении ребёнок встречает хотя бы одно непонятое слово, образ которого он не может представить или отождествить с другим, у него возникает психологический ступор. Заведующий кафедрой педагогики и медицинской психологии Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова доктор психологических наук Ю.М. Орлов считает, что в ситуации неопределённости, когда ребёнок не может контролировать ситуацию, он испытывает чувство беспомощности, и по своим биохимическим сдвигам его состояние близко к депрессии. Даже при внешней активности его ум бездействует. И такое состояние испытывают школьники от урока к уроку на протяжении всего периода обучения.

Революционным наскоком отвергнуты лучшие наработки русских и советских учёных-педагогов и психологов. Оказывается, всё устарело! Вот и все обоснования. Но, например, опыты Пиаже, повторенные в 80-е годы по инициативе советских психологов — А.В. Запорожца и П.Я. Гальперина, показали, что временного сдвига в сторону уменьшения в формировании ступеней мышления не произошло. По-прежнему до 12–14 лет у детей конкретно-образное мышление и надо обогащать в этот период душу и сердце ребёнка, а мы старательно «загружаем» его голову трудно воспринимаемыми «научно-теоретическими» понятиями, сведениями. Поэтому у нынешних школьников так плохо сформированы важнейшие функции — память и воображение. Мы чрезмерно увлеклись методиками «интеллектуального развития» в ущерб чувственному, эмоционально-образному. Раннее, начиная с детского сада, обучение детей, когда реальный образно-чувственный мир заменяется искусственно-созданным (виртуальным), приводит к расщеплению в человеке чувственного и интеллектуального и к распаду важнейшей функции — воображения. Вторая (логическая) сигнальная система может успешно развиваться только на базе хорошо развитой первой сигнальной системы. Образная память и как можно больше органов чувств должны принимать участие в восприятии. Это — основа творческой одарённости, фантазии, интуитивного мышления, целостного восприятия мира. Выдающийся учёный-энциклопедист В.И. Вернадский так сказал об этом: «Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет каких-то чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий? Говорят, одним разумом можно всё постигнуть. Не верьте, не верьте! Те, которые говорят так, не знают, что такое разум...»⁵

⁵ Вернадский В.И. Страницы автобиографии. М., 1981

Скудность образных слов, обилие слов-однодневок, которые создают фоновый шум, не позволяют выработать зрительные образы у школьников. А ведь именно зрительный образ на подсознательном уровне контролирует правильное написание слов, пробуждает наслаждение словом. Поэтому не приходится удивляться, что мы имеем то, что имеем, — растущую безграмотность школьников, убогую речь, как у Элочки-людоедки, эстетическую глухоту. Это показывают и вступительные экзамены в вузы.

Неразвитость воображения сказывается на освоении математики, физики и других предметов. Когда искусственно урезан, свёрнут этап конкретно-образного мышления, школьник не может перевести содержание задачи на язык модели, образно увидеть развитие процесса, его логику.

В этой связи приведу характерный пример. В 70-е годы газеты писали об акселератах, которые в 11–12 лет становились студентами вузов. Сейчас такие сообщения, к счастью, прекратились. На мехмате и физфаке МГУ им. Ломоносова о вундеркиндах вспоминают с неохотой. Последнего студента-ребёнка отчислили несколько лет назад. Выражаясь спортивным языком, победа на старте не принесла этим детям лавров на финише. Профессор Психологического института РАН А. Матюшкин видит причину в том, что, как правило, эти

дети специализируются в узкой области физической или математической науки. Мир их интересов и круг общения невероятно сужены и поэтому развития полноценного гармоничного человека зачастую не происходит. Интеллектуальное же развитие, которое необходимо для учёбы в университете, по-настоящему начинается только с 12 лет⁶.

6 АиФ, 1996, № 18.

Формирование любого умственного действия должно проходить ряд обязательных этапов. Школьная, а теперь и вузовская реальность такова, что из-за перегрузки мы ограничиваемся примитивным уровнем — этапом «предметного действия». В конце концов, на простейших примерах можно научиться правильно выполнять умственное действие, но полёта мысли не будет: при некотором изменении условий задания действие дезорганизуется, и, с трудом или совсем не переносится в новые условия. Знания, полученные таким путём, носят лоскутный характер, а бессмысленная зубрёжка становится единственным способом усвоения материала. Даже одарённых детей надо развивать в первую очередь «по горизонтали» (этим занимается любой репетитор), а не по вертикали. Великий русский педагог, философ-богослов П.Ф. Каптерев рекомендовал: «Чтобы сохранить упругость и самобытную энергию детей, необходимо прежде всего дать детям возможность вполне выживать каждый свой возраст, не стремясь поспешно перевести их в другой, старший. Всякому овощу своё время, каждый имеет свою прелесть и отречься от его переживания — значит, калечить себя без всякой нужды».

Проводимые с начала 70-х годов реформы под лозунгом гуманитаризации и гуманизации обучения пошли по пути сокращения учебного времени на изучение таких важных, сугубо гуманитарных предметов, как язык и литература. В родном языке и литературе закодирована генетическая программа тысячелетий. Например, сказка с её поэтическим волшебным языком сильна не только текстом, но и подтекстом, который хорошо понимают дети, усваивая на понятном им образном языке многие этические и моральные нормы. Не послушался Иванушка сестрички Алёнушки и стал козлёнком. Сказку «Репка» многие взрослые воспринимают как полнейший абсурд, но только не дети! На доступном для них уровне они воспринимают и значение коллективного труда, и значение *посильного труда каждого в общем деле*.

В настоящее время, сократив учебное время на изучение литературы (в том числе и сказок) и обеднив её содержание, в школьный учебный план вводят, забирая учебные часы от фундаментальных предметов, разнообразные курсы — от валеологии и ОБЖ до «ЕБЖ» (если буду жив).

Большие надежды реформаторы образования возлагают на 12-летнюю школу. Несомненно одно: удлинение сроков обучения отодвинет на более поздний срок начало трудовой деятельности. Но сегодня браки молодеют и период активного деторождения при полном отсутствии внутренних, нравственных императивов придётся на годы учёбы.

Не уменьшится при двенадцатилетнем сроке обучения и перегрузка школьников, так как она большей частью порождена организацией учебного процесса. В этом легко убедиться. Проведённые в 39 странах международные исследования показали, что, например, восьмиклассники имеют в среднем в течение учебного года 1140 учебных часов, то есть в школе они работали 6–7 астрономических часов (не уроков!). У наших восьмиклассников 950 часов, и проводят они в школе не более 5,5 часа, примерно по шесть уроков. Восьмиклассники в Австрии имеют в течение года 1300 учебных часов, в Таиланде — 1520, во Франции — 1290, в Швейцарии — 1700, в США — 1080.

Эти цифры показывают, что временная нагрузка на ученика в Белоруссии ниже средней нагрузки на ученика в развитых странах. Но обилие, начиная с первого класса, учебных предметов, на которые отводится один урок в неделю (во многих школах он продолжается всего 40 минут при пятиминутном перерыве, за который ребёнок не успевает восстановить физические и душевные силы), — источник перегрузки детей. В американских же школах, например, в каждом классе не более семи предметов, но на каждый отводится не менее пяти

уроков в неделю.

Для сравнения: в прошлом учебном году в восьмом классе на базовом уровне из 19 предметов на каждый из девяти предметов отводилось по одному уроку в неделю, а это такие предметы, как история Беларуси, всемирная история, биология, химия, черчение и др. В выпускном — одиннадцатом — классе на базовом уровне из 16 таких предметов семь.

Эти же исследования показали, что если в 1991 году школьники массовой школы СССР по своим результатам входили в первую четвёрку, то уже в 1997 году учащиеся массовых школ в постсоветских республиках оказались на третьем месте снизу.

Теперь этот факт пытаются использовать для дискредитации вузов. Низкие показатели на вступительных экзаменах объясняют завышенными требованиями. А преподаватели вузов уже не знают, как читать лекции и проводить практические занятия с первокурсниками. Нарушения на стадии «от живого созерцания к абстрактному мышлению» приводят к ещё большим нарушениям «от теории к практике». Если раньше студент мог слушать лектора, анализировать лекцию и писать конспект, то сейчас может делать только какую-то одну операцию. Поэтому чтение лекций в вузах превращается порой в простую диктовку. Болезни школьного процесса уже перекечевали в вузы.

Делаю грустный вывод: школьные реформы последних десятилетий оторвались от национальных корней, богатейшего опыта прошлых поколений, а посему обречены на провал. Значит, не сможем мы в ближайшие годы преодолеть последствия «педагогического Чернобыля», с которыми сегодня столкнулось общество бывшего СССР и стран «ближнего зарубежья».

г. Могилёв